

Михайлова А.И. Современный песенный текст как объект лингвистического исследования // Филологические и культурологические дисциплины в рамках реализации ФГОС в школе и в вузе. Омск, 2015.

Нашествие поп-культуры: поп-дипломатия и поп-политика. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru>

Руднев В.П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М., 2000.

Русаков А.П. Кто есть кто, или Музпросвет в глобальной современной популярной музыке. М., 2017.

Сибаева Т.А. Государственная символика в рок-культуре. Понятие патриотизма // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2011. Вып. 12.

Титова Л.Г., Турчина В.С. Музыка как инструмент политической социализации молодежи // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1, № 2.

Троицкий А. Я введу вас в мир поп. М., 2006.

Червинский П.П. Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические аспекты этносемантики. Тернополь, 2010.

«АЛТАЙСКИЙ ТЕКСТ» И ЛИТЕРАТУРА АЛТАЯ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ¹

Т.А. Богумил

Ключевые слова: Алтай, «алтайский текст», литературный регионализм, региональное самосознание

Keywords: Altai, «Altai text», literary regionalism, regional identity

Термин «алтайский текст» был введен в научный оборот в начале XXI века организаторами и участниками семинара «Алтайский текст в русской литературе второй половины XIX – начала XX века» (АлтГУ). Далее последовали научные семинары и конференции по той же теме, материалы которых составили содержание серии сборников «Алтайский текст в русской культуре» (на настоящий момент 6 выпусков), статьи в литературоведческих журналах. Свообразным апогеем пройденного исследователями пути стало издание антологии «Образ Алтая в русской литературе XIX–XX веков» (2012). Без малого пятнадцатилетняя история изучения дает основания сделать

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 16-14-22001 «Семиотика пространства в региональной литературе: особенности геоэтики В.М. Шукшина»

предварительные выводы о свойствах и закономерностях изучаемого объекта.

Для начала стоит обозначить причины, по которым уместно говорить о сибирской литературе как явлении региональной словесности, но которые не позволяют считать алтайскую литературу подсистемой сибирской, а не просто ее частью. Как известно, существенные критерии для выделения региональной литературы – тема, место и региональное самосознание [Анисимов, 2005, с. 14]. Регион понимается как *обширное* географическое образование, обладающее *общностью* естественных и исторически сложившихся *особенностей*, выделяющих данную территорию на (ментальной) карте страны.

Алтай – достаточно крупный географический объект, на его территории могли бы разместиться многие государства мира. Можно ли обнаружить оригинальные природные и исторические характеристики пространства, отличающие его от Сибири в целом? Выделить специфическую тематику? А главное – региональную ментальность местных писателей?

Самая первая сложность – определение границ региона. Выделяют единицу *физической* географии – территория на границе Западно-Сибирской равнины и пояса гор Южной Сибири. И единицы *политической* географии: Алтайский край и Республику Алтай в составе России. Административные границы исторически изменчивы и не совпадают с физическими границами региона. Земли Алтайского края входили в состав Сибирской губернии (1709–1779), Кольванской области (1779–1783), Кольванской губернии (1783–1796), Тобольской губернии (1796–1804), Томской губернии (1804–1917), Алтайской губернии (1917–1925), Сибирского края (1925–1930) и Западно-Сибирского края (1930–1937). Современный Алтайский край – это юго-восток Западной Сибири, граничащий с Казахстаном на юге и западе, на севере и северо-востоке – с Новосибирской и Кемеровской областями, на юго-востоке – с Республикой Алтай. В 1992 году Горный Алтай вышел из состава Алтайского края в качестве отдельного субъекта РСФСР [Демин, 2009, с. 26]. Природные условия Алтая отличаются вариативностью. Рельеф Алтайского края горный и равнинный, Республики Алтай – горный. Климат неоднородный, что связано с многообразием географических условий. В сознании далекого от наших мест человека различия Республики Алтай и Алтайского края часто стираются, образуя единое историческое и социокультурное пространство. С этим недоразумением связано, в частности, разочарование, охватившее Н.М. Рубцова при посещении

Алтайского края в 1966 году. Он ожидал увидеть *«алтайскую Швейцарию»*: солнце, горы, стремительные реки, тайгу – «общее место» литературы об Алтае [Гребнева, 2012, с. 13–14; Левашова, 2006, с. 39; Носова, 2013, с. 98, Шастина, 2013б], – а столкнулся с типичным среднерусским пейзажем [Скубач, 2013, с. 124].

Природные характеристики края образно обозначены А.А. Черкасовым, зачинателем природоведческой прозы Алтая. Автор противопоставляет Западную Сибирь Восточной, прибегая к архаичному тождеству «страна-женщина». Если Восточная Сибирь – это *«красивая брюнетка»*, наделенная огнем, энергией, страстностью, ярко одетая и богато одаренная мехами, камнями и золотом, то Западная Сибирь – *«только миловидная блондинка»*, все качества которой – лишь малая толика или вовсе отсутствие достоинств первой [Черкасов, 1994, с. 377]. Лишь Южный Алтай *«словно перерождается в забайкальскую красавицу брюнетку, и как бы поджидает своего суженого, дескать, <...> я давно уже созрела»* [Черкасов, 1994, с. 395]. В связи с природой Алтая, особенно Горного, в литературе возникает круг типичных сюжетов, связанных с противостоянием человека и природы, цивилизации и природы [Левашова, 2006, с. 39; Нискоромных, 2013].

Процесс освоения русскими Алтая (как и Сибири в целом) связан с концепцией фронта, то есть *«мест[а] или момент[а] встречи двух культур разного уровня развития (“подвижная граница”»*) [Резун, 2005, с. 16]. В миссионерском видении Алтай предстает как *«место встречи православия и язычества, культуры и дикости, место спасения души и место борьбы за каждую новую православную душу, это горный мир (Афон) и райский сад. Насельники этого мира – самоотверженные миссионеры и дети природы – алтайцы–язычники»* [Шастина, 2013а, с. 148]. В соцреалистических произведениях воспевался процесс ликвидации автохтонной культуры Алтая [Казаркин, 2004, с. 16]. Русскоязычная литература Горного Алтая, как убедительно показала Л.Г. Чащина, может быть охарактеризована термином *«культурное гнездо»* (Н.К. Пиксанов). Сочетание традиций русской классической культуры, установок Алтайской духовной миссии и алтайской фольклорно-мифологической системы сформировало основные параметры литературы Горного Алтая, воплотив *«органичный и многоаспектный диалог культур – русской и алтайской»* [Чащина, 2003]. Опора на фольклорно-мифологическое наследие аборигенов, особенно сильная в литературе Горного Алтая [Гребенникова, 2013], оказала мощное влияние и на литературу Алтайского края [Завгородняя, 2016].

Уникальным фактом истории освоения Алтая Россией является особый статус региона с 1747 по 1917 годы. В этот период Алтайский горный округ, в состав которого входила территория современного Алтайского края, Республики Алтай, части Новосибирской, Кемеровской, Омской, Томской областей, восточной части Республики Казахстан, – был собственностью царской семьи. Кабинетные земли, за некоторым исключением, не подлежали «штрафной» колонизации, то есть уголовной и политической ссылке, что, конечно, существенно отличало Алтай от Сибири и делало проблематичным функционирование основного сюжета сибирской литературы об искуплении преступления каторжными страданиями и последующем воскресении [Лотман, 1997; Тюпа, 2002].

Конфискация земель Демидовых императрицей Елизаветой Петровной в 1747 году была связана с открытием на Алтае серебряной и золотой руды. Драгоценный металл добывался для царской казны, а с начала XIX века и всеми желающими, что породило «золотую» и «серебряную» линию в литературе об Алтае, впервые одически упомянутую М.В. Ломоносовым [Козлова, 2002, с. 15]. В реалистической литературе эта тема сопрягалась с темами обогащения, казнокрадства, «золотой лихорадки» и уголовных преступлений [Волькова 2013; Левашова, 1995, с. 386–389]. Тем самым вновь актуализировался «негативный» вариант «сибирского текста» [Анисимов, 2007].

Значительное место в литературе Алтая и об Алтае занимает старообрядческая легенда о Беловодье, утопической стране на востоке от России, где сохранилась «древлеправославная» вера, не затронутая реформами патриарха Никона (середина XVII века). Происхождение легенды, помимо прочего, связывается с колонизацией земель по берегам р. Бухтармы на Алтае. Белым цветом вод р. Бухтармы, ее притоков и верхней Катгуни, стекающих с «белков» – горных ледников, либо белой пеной горных рек Алтая объясняют название «Беловодье» [Чистов, 2003, с. 307]. Исследованию этого тематического пласта посвящен анализ текстов В.Я. Шишкова, А.Е. Новоселова, В.Я. Зазубрина [Беломытцева, 2009; Гребнева, 2002, 2012; Куляпин, 2013; Царегородцева]. В XX веке Алтай осмыслиется Н.К. Рерихом как место утопической Шамбалы, «место силы», «пуповина» между Небом и Землей, колыбель мира. Позитивный ореол Алтая во многом обусловлен этимологией топонима, связанной с семантикой золота, высоты [Чувакин, 2016] и начала: «[в] слове “Алтай” заключен сокровенный смысл – “Золотой престол Бога”, центр мироздания, основа Бытия» [Жерносенко, 2006, с. 103]. «Избраннический» статус

региона востребован современной алтайской неомифологической прозой А.В. Коробейщикова и В.Н. Токмакова, обыгрывающей мотивику апокалипсиса / спасения [Богумил, 2016, с. 17–18].

Завершая обзор текстов русских писателей об Алтае С.М. Козлова резюмирует: *«Алтай как часть Сибири – это угрюмый дикий край суровой природы, страна несметных сокровенных богатств, одна из твердынь России, ее каменная стена и защита, страна молодой, мощной энергии – путь в будущее, мистическая страна, хранящая тайны мироздания, путь к потерянному дому человечества»* [Козлова, 2002, с. 23].

Изучение художественно-этнографического очерка XIX века об Алтае позволило О.Г. Левашовой представить самобытный, противоречивый в своем единстве образ Алтая: *«Определятся границы локуса: это лесостепной и одновременно Горный Алтай, русский, населенный переселенцами, и исконный <...>. Ведущей тенденцией всех рассмотренных нами очерков является добросовестное и доскональное, фактографически точное исследование авторами своеобразия Алтая, его животного и растительного мира, обычаев, обряда и образа жизни его жителей. Одновременно с этой литературной тенденцией возникает мифологизация топоса: с опорой на языческие и христианские мифы, космогонические и эсхатологические, писатели рисуют величавый Алтай, колыбель цивилизации, “страну обетованную”, загадочное Беловодье, которое ищут многие столетия “рассейские” странники и старообрядцы. Но Алтай – это рай и ад одновременно. Важной тенденцией воссоздания образа Алтая становится его сатирическое изображение. Колониальная политика по отношению к Сибири приводит к разграблению ее природных богатств, к беззакониям, полному произволу властей и преступлениям»* [Левашова, 2013 с. 79]. И еще: *«...ведущими тенденциями оказалась не романтика “странствий”, не познание “земли неизвестной”, а гуманистический пафос, боль за униженного человека, будь он алтайцем или российским переселенцем, одинаково беззащитным перед силами первозданной природы и дикого произвола властей»* [Левашова, 2011, с. 128].

Активное переселение крестьянства в 1860–1880-е годы из средней полосы России преимущественно на Алтай можно считать временем возникновения аграрного мифа, окончательно сформировавшегося уже в советское время, после ВОВ 1941–1945: *«...когда стратегическое значение Алтая как места эвакуации (заводов и людей) сошло на нет <...> Алтай начинает*

манифестировать себя как край с сельскохозяйственной спецификой, точнее, – край хлеборобов» [Куляпин, 2006, с. 48–49]. Восприятие Алтая как «житницы Сибири», подкрепленное освоением целинных и залежных земель с 1954 года надолго предопределило семантический ореол Алтая, консервируемый критическими инстанциями. Показателен экспромт поэта И.Е. Фролова, ставший заголовком одной из газетных статей того времени: *«От Кулунды до Кош-Агача одна задача – хлебодача!»*¹. Целинная тема задавала особую поэтику художественных произведений, соотнесенную с соцреалистическим каноном: *«Топика испытания в противоборстве с природными стихиями и человеческим (в том числе своим собственным) несовершенством, взросления (“закалки” и “перековки”) героя, его созидательного труда в коллективе <...> ...заглавия с повторяющимися образами утра, счастья, весны, простора, огня и т. п. указывают на близкое родство этих текстов с хрестоматийными “лакировочными” литературными образцами»* [Скубач, 2012, с. 7].

На рубеже 1950–1960-х культурное восприятие Алтая как преимущественно горного пространства достраивается картиной степного, равнинного региона; в повести для детей В.С. Сидорова «Тайны белого камня» создается особый *«обской миф»*; в творчестве В.М. Шукшина – корпус текстов о шоферах и главной дороге Алтая – Чуйском тракте [Скубач, 2012]. Как и в советской литературе в целом, в литературе Алтая в конце 1960–1970-х годов наблюдается возрождение интереса к теме Гражданской войны; в конце 1980–1990-х активизируется экологическая тематика [Марьин, 2012, с. 9–10]. В 2000-е на первый план выходит осмысление результатов «перестройки» и тема «потерянного поколения», *«поколения между»* (В.Н. Токмаков).

Итак, безусловно, есть основания говорить о «культурных гнездах» Алтая, алтайской теме, мифе и тексте. Положительный ответ на вопрос о существовании литературы Алтая как подсистемы сибирской литературы упирается в отсутствие литературного процесса, отдельного от истории литературы Сибири и России, и, кроме прочего, в трудноуловимость алтайского регионального самосознания.

До революционных событий 1917 года литераторы достаточно свободно мигрировали по территории Сибири из города в город. Печатались там, где была возможность. Поэтому одни и те же имена

¹ Воспоминание В.В. Дубровской.

звучат в истории различных местных литератур. Говорить о наличии алтайского, а не общесибирского самосознания и, соответственно, литературы, пока не представляется возможным – не собрано достаточно данных. Появление в середине XX века региональных Союзов писателей, скорее создает видимость локальной уникальности, поскольку творческая деятельность советских писателей регламентировалась «центром» и вследствие этого уравнивалась.

В свете проблематики наличия алтайского самосознания немаловажным представляется факт многократных признаний российских писателей в любви к Алтаю, в решающем влиянии на их судьбу. Широко растиражирована фраза В.Я. Шишкова: *«Я люблю Алтай крепко, с каждым годом любовь моя растет, и не знаю, чем возмещу Алтаю ту радость и счастье, которым он меня наделяет каждый день, каждую минуту...»*. Отвечая на вопрос, какой уголок России стоит выбрать для жизни, В.В. Бианки отвечал: *«Это Алтай. В жизни не видел ничего более прекрасного. Я жил там в юности 4 года – и до сих пор (а мне седьмой десяток) вспоминаю это время, как чудесный сон... Я бы выбрал Алтай»* [Бианки, 1984, с. 5]. В произведениях В.М. Шукшина наряду с официальным центром (Москва) появляется «альтернативный центр», Алтай. Комментируя цитату из статьи писателя с «говорящим» названием «Признание в любви (Слово о “малой родине”)» (1974), О.А. Скубач пишет: *«Пространственные корреляты (“возвышение”, “полати”, “предгорье”) приобретают в данном случае, безусловно, метафорическое наполнение, символизируют приоритетную, привилегированную жизненную позицию»* [Скубач, 2016, с. 147]. В контексте этих рассуждений любопытна ценностная дифференциация Сибири и Алтая, наблюдаемая в текстах В.М. Шукшина. Образ Сибири в его произведениях моделируется согласно традиционной для русской литературы системе негативных представлений: *«это Сибирь-матушка, она “шутки не понимает”»* [Шукшин, 2014, т. 9, с. 33]; о судьбе переселенцев в Сибирь: *«Там небось и пропали, сердешные... <...> ни слуху ни духу»* [Шукшин, 2014, т. 4, с. 279]. Идеальные смыслы делегированы Алтаю: *«Трудно понять, но как где скажут “Алтай”, так вздрогнешь, сердце лизнет до боли мгновенное горячее чувство... <...> Дороже у меня ничего нет»* [Шукшин, 2014, т. 8, с. 54]. У Шукшина Сибирь как бы перетягивает на себя негативные коннотации, а Алтай, малая родина, – позитивные, глубоко личные, максимально ценные.

Провинциальное положение региона провоцирует в современной поэзии попытки имитации столичных стандартов, вытеснения реальности иллюзиями; страдательные мотивы богозабытости, скуки, пошлости; но и самодостаточное восприятие малой родины как места Богом данного, не нуждающегося в оценке и сравнении со столицей [Козлова, 2008]. Например, Наталья Николенкова на вопрос, возможно ли реализоваться поэту в провинции, – отвечает: *«В наше время это – вопрос пиара, рекламы, продвижения, рыночных технологий. Ты можешь сидеть в тьмутаракани, но при наличии хороших литературных агентов тебя будут издавать и читать везде. В каком бы городе ни жил поэт, на его таланте это никак не сказывается»* [Николенкова, 2008]. Наконец, многие поэты и прозаики Алтая обращаются к важнейшему для региональной культуры сюжетному архетипу – возвращение блудного сына, что, несомненно, свидетельствует о развитии региональной самоидентичности.

Литература

Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005.

Анисимов К.В. Парадигматика и синтагматика «Сибирского текста» русской литературы // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. Вып. 2.

Беломытцева Л.А. Рассказ В.Я. Шишкова «Алые сугробы». Барнаул, 2009.

Бианки В.В. Удивительные тайны. Барнаул, 1984.

Богумил Т.А. Прогулки по Барнаулу мистическому. Барнаул, 2016.

Волькова Е.А. Тема золота в произведениях писателей Алтая XIX – начала XX веков. // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. Вып. 5.

Гребенникова Н.С., Чинина Э.П. Сокровенный Алтай: региональная и этническая идентичность в прозе Б. Укачина // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. Вып. 5.

Гребнева М.П. Роль оппозиции «земное – небесное» в повести А.Е. Новоселова «Беловодье» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2002. Вып. 1.

Гребнева М.П. «Над царственной ширью Алтая...» (Образ Алтая в русской литературе начала XX века) // Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX вв. Барнаул, 2012. Т. 2.

Демин М.А. Историческое краеведение: некоторые вопросы теории и терминологии. Барнаул, 2009.

Жерносенко И.А., Мамыев Д.И. Современные подходы к изучению сакральных центров Алтая как основа для формирования ноосферного типа мышления // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2006. Вып. 3.

Завгородняя Н.И. Неомифологизм Алтая в текстах А.В. Коробейщикова. Барнаул, 2016.

- Казаркин А.П. Жанровый контекст романа «Чураевы» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2004. Вып. 2.
- Козлова С.М. Алтайский текст в русской поэзии // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2002. Вып. 1.
- Козлова С.М. Провинция в зеркале рефлексии современных поэтов-барнаульцев // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2008. Вып. 4.
- Куляпин А.И., Скубач О.А. Алтай в пространстве советской утопии // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2006. Вып. 3.
- Куляпин А.И. Образ Алтая в литературе 1920-1940-х годов // Филология и человек. 2013. №3.
- Левашова О.Г., Черняева Т.Г., Никитина М.Г. Литературная жизнь Алтая // История Алтая. Ч. 1. 1995.
- Левашова О.Г. Топос «Алтай» в «Алтайском альманахе» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2006. Вып. 3.
- Левашова О.Г. Образ Алтая в русской литературе XIX века // Филология и человек. 2011. №4.
- Левашова О.Г. Образ Алтая в художественно-этнографическом очерке XIX века // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. Вып. 5.
- Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия. СПб., 1997.
- Марьин Д.В. Алтай в литературе 1970–1980-х гг. // Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX веков. Барнаул, 2012. Т. 5
- Николенкова Н. Не про любовь / интервьюер В. Н. Токмаков // Российская газета. 2008.
- Нискоромных Д.С. «Горный дух» С.И. Исакова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. Вып. 5.
- Носова О.А. Образ Алтая в «Алых сугробах» В.Я. Шишкова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. Вып. 5.
- Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контекста этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
- Скубач О.А. Два лика Алтая в литературе 1950–1960-х гг. // Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX вв. Барнаул, 2012. Т. 4
- Скубач О.А. Рубцов–1966: алтайское лето в творчестве Н.М. Рубцова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. Вып. 5.
- Скубач О.А. Советская культурная география середины XX века в прозе В.М. Шукшина. 2016.
- Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1.
- Чащина Л.Г. Русская литература Горного Алтая: Эволюция. Тенденции. Пути интеграции. Томск, 2003.
- Черкасов А.А. Из записок сибирского охотника. М., 1994.
- Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003.
- Чувакин А.А. Концепт «Алтай» в художественной прозе К.Г. Паустовского // Филология и человек. 2016. № 2.
- Шастина Т.П. Забытые имена: Алтай как мир миссионеров и язычников в творчестве А.И. Макаровой-Мирской // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013а. Вып. 5.
- Шастина Т.П. Горный Алтай: литературное вхождение территории в состав имперских пространства // Филология и человек. 2013б. № 1.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 9-и тт. Барнаул, 2014.